

Диана ЕВДОКИМОВА

г. Петрозаводск

Между женщиной и мужчиной

(Наблюдения над прозой Ирины Львовой)

Перечитывая тексты петрозаводской писательницы Ирины Львовой, автора сборников «Если бы нас спросили...» и «Вариации», я каждый раз нахожу в них что-то новое, неожиданное, ломающее мои представления о мире. Их невозможно оценить с первого прочтения, и только внимательный наблюдатель может соткать их смысл из тонкой паутины намеков. Сложные человеческие переживания становятся в ее творчестве предметом сочувственного и проникновенного изображения. Кажется, она может проникнуть в самую душу своего героя.

Одним из литературоведческих подходов, который позволяет понять загадки творчества

И. Львовой, является гендерный анализ текста.

Значение термина гендер проще всего объяснить через соотнесение его с синонимичным и более знакомым русскому слуху термином пол. Основоположниками гендерных исследований являются не только европейские и американские ученые, но и русские философы Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, о.П.Флоренский и др. Все они в своих работах использовали термин пол. Тем не менее в гендерных исследованиях всегда речь идет о двух значениях этого слова. Во-первых, пол понимается как биологическая данность, во-вторых, как социальное и психологическое явление. Поэтому я считаю, во избежа-

ние путаницы удобнее пользоваться двумя терминами и называть биологическую данность термином пол, а социальную и психологическую позицию – термином гендер.

Гендерное направление является одним из самых популярных в современном европейском и американском литературоведении. В ходе подобных исследований рассматриваются, какие роли, нормы, ценности, черты характера предписывает общество женщинам и мужчинам, какие из существующих стереотипов используются в художественной литературе, как они характеризуют героев художественных произведений и их авторов.

Исследователи гендера пола-

гают, что грань между женским и мужским в привычном понимании размыта. Вот как пишет об этом Н.А. Бердяев: *«Мужчина, в котором бы совсем отсутствовал женский принцип, был бы отвлеченным существом, совершенно оторванным от космической стихии. Женщина, в которой совсем бы отсутствовал мужской принцип, не была бы личностью».*

Подобная мысль прослеживается во многих произведениях Ирины Львовой. Некоторые ее герои ведут себя вполне традиционно, т.е. гендер полностью соответствует полу, а другие не могут или не хотят принять свой биологический и гендерный статус мужчины или женщины и испытывают острую неудовлетворенность им. Поэтому конфликт в ее рассказах часто принимает гендерный характер: сознание героя вступает в конфликт с потребностями и возможностями тела, поведение героя вступает в конфликт с требованиями общества и т.д. В свою очередь, интрига опирается на гендерные ожидания читателей, которые если и оправдываются, то самым непредсказуемым образом.

Как писал А. С. Пушкин, обращаясь к другу и литератору А.Бестужеву, художника «должно судить по законам, им самим над собой признанным». Поэтому я попробую разобраться, какие же гендерные представления в произведениях И. Львовой в большей степени близки позиции автора. С этой целью я проанализирую речь автора-повествователя на предмет характеристики типичных черт мужчины и женщины.

И. Львова относится к тому типу писателей, у которых дистанция между автором и главным героем очень мала. Она может описать внешность и поведение

совершенно разных людей, но в таком случае описание будет ограничено лишь несколькими штрихами, если же герой описан подробно, если в деталях представлен внутренний мир героя, оттенки его переживаний, то перед нами почти alter ego автора. Нельзя не согласиться с Ю. И. Дюжевым, который считает, что в своих рассказах И. Львова выражает прежде всего саму себя, свой неповторимый внутренний мир.

Во многих произведениях И.Львовой повествователь высказывает свое мнение о том, что является отличительной чертой женщины. Опираясь на эти высказывания, можно составить общую картину, раскрывающую его гендерные представления.

По мнению повествователя, женский удел – *«удел мелочей»*: это *«будни с тысячами завтраков, обедов, ужинов, грязной посудой после них, со стиркой и мытьем»* («Путешествие»). Женщина обречена нести на себе груз домашнего хозяйства, из-за этого ее жизнь однообразна, тяжела и малоинтересна. Женщина не может проявить себя в интеллектуальной сфере, она не способна жить умственным трудом, она слишком связана с природой и зависит от нее: *«Женская участь похожа на участь растения – оно живет неподвижно, бессознательно, следуя природному ритму»* («Дом, о котором мы мечтали»). При этом женщина сравнивается скорее с беззащитным растением, нежным, подобным цветку, или ростку будущего дерева.

Отсюда особое положение женщины в обществе – она не может быть руководителем, политиком, общественным деятелем, философом: *«От женщины не ждут ни ума, ни хватки, ей не*

быть ни деспотом, посылающим людей на бойню, ни пушечным мясом. Она не делает историю, не стремится проникнуть в тайны мироздания: она всего лишь терпеливая работница, та, что молчаливо прядет невидимые нити, привязывающие людей к земле, к ее безличной и несокрушимой силе» («Дом, о котором мы мечтали»). Как комментирует эту ситуацию Е.И.Маркова в своей статье «Нитки рвутся – я вяжу...», *«у всех женщин, отчаявшихся, мятежных и верующих, есть неистребимое желание вернуться к природе – Матери – сырой земле, которая даст силы быть Матерью человеческой».*

Поэтому женщина не может быть свободна и самостоятельна, она все время от кого-то и от чего-то зависит. Если же она еще не обрела зависимость, то стремится это сделать побыстрее. Такое стремление повествователь видит, например, в юных слушательницах своих лекций: *«Слушательницы мои оказались робкими девушками, стеснявшимися жить и тяготившимися необходимостью распорядиться собою, они хотели немедленно отдать свою жизнь с ненужным ее беспокойством на что-нибудь полезное и доброе, на то, чтобы родить новую жизнь, которая будет сознательна и бодр»* («Джудит Моррис»). «...У женщины выбор не велик, – рассуждает повествователь в повести «Дом, о котором мы мечтали», – или в монастырь, или замуж за дурака. Подобные же рассуждения можно найти в рассказе «Американка»: «бестрепетно соединяю меланхолическое «Punch, brothers» с остроумным «иди в монастырь» и добавляю от себя: «или замуж за дурака».

В силу этого женщине очень трудно понять мужчину, проникнуть в его внутренний мир,

жизнь мужчины наполнена тайнами, которые женщине недоступны. Так, например, герой рассказа «Из книги судеб» Юрка Малышев постоянно уходит «в те места, которые показал ему бродяга и о которых не знает женщина, потому что прочно привязана к домашнему миру забот». Повествователя притягивает к себе мир приключений и романтики, который, как он считает, известен только мужчинам. Как учит его черная старуха в повести «Дом, о котором мы мечтали», «мужчины – вечные бродяги». Если женщина ассоциируется с домашним уютом, то мужчина ассоциируется с хаосом: «Женщина творит мир, благоустраивает хаос», «восстанавливает равновесие в мире, ткет новое полотно, терпеливо штопает изношенное, обветшалое», а мужчина этот хаос создает. Так происходит от мужской «нечувствительности к вещи, к ее форме и настроению, когда только ключи от квартиры связывают человека с домом» («Дом, о котором мы мечтали»). Описывая женский дом, повествователь подчеркивает, что даже беспорядок здесь «давно был обжит и имел вид домашности и уюта» («Путешествие»).

Если женщина пассивна и тяготеет собой, то «принадлежностью мужчины» является «действие – обнаженная сверкающая сталь клинка, вырванного из ножен» («Дом, о котором мы мечтали»). Если «от женщины не ждут ни ума, ни хватки», то отличительной чертой мужчины является «сильная мужская мысль, заключающаяся в логике выбора счастливых комбинаций» («Дом, о котором мы мечтали»).

Для повествователя существует четкое разделение на мужское и женское. Даже некоторые

вещи наделены у Львовой гендерной семантикой. Сугубо женским атрибутом является нить, а сугубо мужским – дрель. В повести «Дом, о котором мы мечтали» женщина характеризуется как «терпеливая работница, та, что молчаливо прядет невидимые нити, привязывающие людей к земле, к ее безличной и несокрушимой силе»; «женщина неутомимо восстанавливает равновесие в мире, ткет новое полотно, терпеливо штопает изношенное, обветшалое». В то же время про «усатого соседа» говорится, что он «принес таинственные инструменты, которых не было в нашем женском доме, и аккуратную тишину комнаты разрезал скрежетом и визгом дрели, и после его ухода ужасные звуки схватки настойчивого сильного наконечника с бетонной стеной еще долго волнами расходились по квартире, и мать заметала оставленный мусор».

Гендерными признаками обладают и запахи. Если характерным признаком дяди Мити является «горький мужской запах» («Всадники»), то запах женщины – сладкий, свежий, легкий: «большая тетя Маша, сладкая от мороза, заполняет комнату» («Другая жизнь»). И если сладким запахом обладает мужчина, то это является указанием на его женственность. Так повествователь говорит про Юрку Малышева «Из книги судеб», что у него был «запах сладкий, девичий».

Женщина и мужчина в изображении И. Львовой – это два разных, почти не связанных между собой мира, связь между ними искусственная и не прочная, она унижает женщину и пробуждает животное начало в мужчине. «Мужчина – животное, которое девушка приручает, потому что ей сказали, что он необходим в хозяйстве. Для

этого разжигается огонь в очаге, надевается короткая юбка и лифчик, поднимающий грудь. Для этого – раскрывшиеся в улыбке зубы, раскачивающаяся походка, призывный смех. Миллионы женщин со взглядом плоским, как ближайшая лужа, исправно несут глупость и упрямство, губы и бедра на завтрак проснувшегося мужчине» («Дом, о котором мы мечтали»). «Женскому дому» в художественном мире Львовой противопоставлено «мужское логово».

Гендерные представления повествователя совпадают с тем, что он считает общепринятыми стереотипами. «От женщины не ждут...» начинает повествователь изложение общественных стереотипов. Однако вывод о том, что женщина – «терпеливая работница», вполне совпадает с оценками повествователя.

Но сам он не следует общепринятым стереотипам. Хотя он чувствует в себе женские качества, данные ему от рождения: «я родилась женщиной, и в моей жизни тоже ничего не происходило» («Начало»), он противопоставляет свой гендер женскому гендеру: «Наведение порядка в квартире не стало смыслом моей жизни. Я не умею готовить. У меня нет распорядка дня» («Американка»); «никак не могу запомнить, что роли распределены, и забываю вовремя подать нужную реплику; вот и теперь я искала нужное слово, не догадываясь, что они просто ждут, когда я налью чай, нарежу хлеб» («Дом, о котором мы мечтали»).

Как уже было сказано выше, в художественном мире И. Львовой мужчина ассоциируется с миром приключений и бродяжничества. Однако, размышляя над своими ощущениями, повествователь в рассказе «Кейле» говорит: «Я думала, что,

быть может, на самом деле я всего лишь бродяга». Повествователь называет себя «бродягой», тем самым включая себя в мир мужчин.

Нежелание повествователя соответствовать гендерным установкам, которые определяют поведение женщины, приводят его к борьбе за гендерную свободу и независимость. Но, как видно из текста, эти установки занимают прочное место в его сознании, и он пытается избавиться от них. Борьбу с установками, навязанными женщине, повествователь видит в противопоставлении себя женщине. Отсюда представление о себе как о человеке, который только в отдельных своих проявлениях является женщиной: «Я думала, что быть женщиной – это вопрос формы, а не содержания, а содержание я и собиралась изучать» («Джудит Моррис»). Одной из главных отличительных черт женщины он называет умение вести домашнее хозяйство, которое сравнивается с прядением нитей, привязывающих людей к земле. Однако, оговаривается повествователь, «это древнее искусство неведомо мне, монотонное движение женщины загадочно – так ворожат, так заговаривают судьбу; но порой женское, глубокое напоминает о себе: взглянешь вдруг на мир сквозь магическое потемневшее от времени стекло и не узнаешь его» («Дом, о котором мы мечтали»).

В произведениях Львовой повествователь способен оценить женскую притягательность с позиции мужчины. Про девушек из рассказа «Танго» говорится: они «умели наклониться так, что от близости бросало в озноб». На протяжении всего рассказа подчеркивается пленительность девушек: «одна – миниатюрная, подчеркивающая свое

изящество облегающим костюмом; другая – в черном узком платье, высокая, дурманящая». Возникает вопрос: с чьей точки зрения показаны девушки? Повествователь не говорит: «дурманящая мужчин», он говорит: «дурманящая»; повествователь не говорит: «бросало в озноб мужчин», он просто говорит: «бросало в озноб», как будто бы действие распространяется на него самого.

В заметках об Америке «С другой стороны» гендерная двусмысленность повествователя ярче всего выражается в описании американской студентки. Повествователя «покоряет» «нежность» «девичьих колен», выглядывающих из-под грубой джинсовой ткани. В противоположность студентке преподаватель характеризуется очень общо – это «полный молодой человек», который кажется автору «забавным и даже милым».

Аналогичные примеры можно найти в повести «Дом, о котором мы мечтали». Придя в гости к тете Соне, повествователь остается вдвоем «с темноволосой женщиной лет тридцати пяти, которую тетя Соня назвала Любой». Комментируя это «невольное сближение», он подчеркивает то воздействие, которое оказывает эта женщина: «А главное, во всем ее облике ясно угадывалось женское, влекущее, тот опьяняющий женский аромат, который околдовывает всякого. Я взглянула на себя и сразу же себе не понравилась: угловатый подросток, недоверчиво следящий за чужою жизнью, сидел на моем месте».

В то же время образ повествователя несет в себе многие черты, которые сам он характеризует как безусловно женские. Приведу несколько примеров из повести «Дом, о котором мы мечтали». Здесь повество-

ватель сравнивает себя с растением: «Я уезжаю. Так росток, замкнутый в скучной мгле почвы, раздвигает сухие пласты, предчувствуя небо», и очень часто признается, что действует неосознанно: «Сама не знаю, как очутилась я в старом дворе...»; «оглянувшись: оказывается, я давно пью «колу» в дешевой кафе...»; «а потом мне почему-то не захотелось возвращаться в комнату к незнакомым людям, и я ушла, ни с кем не попрощавшись»; «безудержная сила – та, что правит примолкшим миром, – подхватила меня, подняла...»

Другой женской чертой повествователя является неспособность к решительным действиям: «В решительные минуты жизни я бегу со сцены, где разворачивается действие, смотрю издали, как одна картина сменяет другую».

Очень важно, что повествователь хотя и говорит о неоднозначности своих гендерных взглядов, но идентифицирует себя очень определенно – как существо женского пола. «Девочка, – говорила я своему отражению, – я люблю тебя, девочка, тебя, которая называется моим именем». Наверное не случайно, что повествователь называет себя именно девочкой, а не девушкой, что больше бы соответствовало ее возрасту. Возможно, это связано с тем, что наименование «девушка» предполагает указание на тот момент, когда девочка превращается в женщину, и с этого момента начинается отчетливо противопоставляться мужчине. В этом ее отличие от девочки, у которой гендер еще только формируется. Описывая свою первую встречу с братом, повествователь сравнивает ее с романом между мужчиной и женщиной. Однако добавляет: «но что отвечает... женщина, мне совершенно неясно. Я не

знаю правил взрослых игр и боюсь попасть впросак. На самом деле я совсем еще ребенок и не умею владеть собой...» Другие наименования, которые дает себе повествователь – «ребенок» и «подросток», хотя ей уже «почти двадцать». Оба эти наименования почти лишены гендерных характеристик. При этом Дану, с которой повествователь делит комнату в общежитии, он называет: «семнадцатилетняя девушка». И если его интересы очень многогранны, то Дана думает только о мужчинах. («Дом, о котором мы мечтали».)

Случаев, когда мужчина как представитель противоположного пола вызывает симпатию повествователя, в произведениях И. Львовой найдется совсем немного. Кроме того, это всегда сознательное описание симпатии к мужчине. Мужчина в таких случаях является одним из главных героев произведения. Мимолетный персонаж никакими влекущими телесными признаками не наделяется. Выражение же симпатии к женщине, как правило, проявляется в деталях, и имеет, скорее всего, бессознательный характер.

Таким образом, я могу сделать вывод, что для повествователя существует четкое разделение на мужское и женское. Критериями женского гендера он считает привязанность к кухне, однообразие жизни, сходство с растением, нежелание распоряжаться собой, бессознательность, алогичность, сладкий запах. Критериями мужчины называет тягу к приключениям, нечувствительность к быту, способность к действию, сходство с животным, сильную мысль, горький запах. Однако себя повествователь не может отнести к определенному гендеру. Он чувствует, что в нем соединяются мужское и женское начала, но

они находятся в конфликте между собой.

Опираясь на гендерные представления, которые лежат в основе художественного мира И. Львовой, попробую определить гендерную специфику ее персонажей. Персонажи И. Львовой наделены разными гендерными характеристиками. В ее произведениях можно встретить типичных женщин, которые в полной мере соответствуют критериям женского гендера, обозначенным повествователем. Мужские образы обычно намечены только мелкими штрихами, это можно сказать и об их гендерных характеристиках. Большинство из них также соответствует критериям мужского гендера, обозначенным повествователем. Но самыми удачными, самыми художественно интересными мне кажутся те персонажи, которые выходят за рамки гендерных стереотипов. В первую очередь это Юля из рассказа «В июле» и Юрка Малышев – герой рассказа «Из книги судеб». Одновременно встречается иронический взгляд автора на тех женщин, которые следуют гендерным установкам, навязываемым им с детства. Это Дана из повести «Дом, о котором мы мечтали», Аня Хилькевич, тетя Броня из рассказа «Айхивайс» и другие. Мир мужчины повествователь представляет как чуждый и мало знакомый, поэтому редко дает оценку гендерному поведению мужчины. В качестве примера можно назвать Артамонова из одноименного рассказа, дядю Митю из рассказа «Всадники».

Я остановлюсь на наиболее ярких примерах как традиционной, так и нетрадиционной гендерной идентификации персонажей.

В рассказе «Айхивайс», открывающем сборник рассказов и миниатюр И. Львовой «Если бы нас спросили...», описаны традиционные семейные отношения. Аня Хилькевич удачно вышла замуж и уехала жить в Америку. Правда, читатель понимает, что выходит она замуж не по любви, а потому что положение ей кажется безвыходным. Ее бросает отец ее сына, она остается без денег и не выдерживает. Но как в России, так и в Америке, она не чувствует себя счастливой. Америка дарит ей материальное благополучие, но разделяет ее с сыном, а главное, не дает ей смысла жизни. И в России, и в Америке Аня постоянно обращается к Богу с одним и тем же вопросом: «Где справедливость, Господи?»

Образ Ани наделен чертами типичной женщины. Сама себя Аня тоже идентифицирует как женщину. Обращаясь к Богу, она спрашивает: «где маленькое счастье, которое обещано женщине?», а затем добавляет: «Я только женщина, Господи. Оставь свои премудрости для мужчин, которые не умеют понять простого. Я готовлю обеда Рону и Левке, стираю их белье. Я работаю продавщицей в магазине мужской одежды, перешиваю мужские брюки. Я согласна перешивать мужские брюки до конца своих дней, если ты скажешь зачем. Если ты ответишь мне, Господи». В этой цитате можно обнаружить целый ряд тех черт, которые, по мнению повествователя, характеризуют женский гендер. Аня считает, что она не обладает мужским умом. Ее основными занятиями являются приготовление пищи и стирка белья. Но самое главное, что Аня не может выбраться из этого круга, даже уехав в Америку. Для нее харак-

терны пассивность и терпение, что также соответствует женскому гендеру.

В гости к Ане приезжает тетя Броня, которая является полной ее противоположностью, и это событие лежит в основе сюжета рассказа. Аня «полагала, что с миром можно договориться и, чтобы быть счастливой, достаточно просто не нарушать заведенных в нем порядков. Но мир ее разочаровывал». Тетя Броня же, наоборот, чувствовала себя хозяйкой жизни: *«книга судеб лежала в ее руках, и она неторопливо перелистывала ее»*. Она создает вокруг себя атмосферу уюта, жизнерадостности. У нее на все хватает сил и энергии: «одной рукой тетя Броня валяла вареники, другою крошила огурцы, а сама обнимала Рона и Левку, обдавая их запахами ванили и гвоздики». Деятельность тети Брони, на первый взгляд, отсылает нас к мужскому гендеру, одной из черт которого является способность к действию. Однако сама тетя Броня всеми силами подчеркивает свою женственность. Лучше всего об этом говорит сцена, описывающая покупку сандалей. Услужливый американский продавец измеряет ногу тети Брони и подбирает ей нужный размер, но тетя Броня вопреки очевидности выбирает «маленькие лодочки», которые она называет «детскими штиблетами», и чувствует себя в них очень удобно. Сама себя тетя Броня идентифицирует как женщину: *«Я старая женщина, я умею только смотреть. Айхивайс»*. По характеристике повествователя, *«тетя Броня принадлежала тому счастливому миру, которого больше нет на земле. Все двери там были распахнуты, и по комнатам щедро разливался запах жареных баклажанов, перца, чесно-*

ка; толстые женщины с черными усами готовили на огромных сковородах острые, как пожар, кушанья, смеялись и сплетничали, стирали и мыли, смотрели за детьми, стариками, птицами, – за всем, что могли охватить взглядом, ибо все, что они могли охватить взглядом, принадлежало им: мужчины и дети, каштаны и базары, прошлое и будущее». В этой фразе можно обнаружить намек на матриархат, представителем которого выступает тетя Броня.

Женщины в этом рассказе показаны автором с иронией. Она передается через речь героев: например, тетя Броня говорит с выраженным акцентом. Ее любимое выражение: «айхивайс», от английского «I have eyes», это становится понятным только в конце рассказа. Ярче всего ирония проявляется в авторских комментариях. Описывая отношения Ани с Богом, повествователь отмечает: «для таких, как Аня, у Бога открыта круглосуточная горячая линия». Затем слова повествователя переходят в слова героини: «я уезжаю, Господи. Может быть, в Америке твоя горячая линия работает лучше». Ирония проявляется в авторских характеристиках. Про Аню говорится, что «ее взгляд не забредал дальше страниц учебника», с Богом она общается, когда моет посуду.

В отличие от Ани, тетя Броня чувствует себя счастливой и заражает счастьем мужа Ани – Рона Джонсона и ее сына Левку. Но автор показывает, что счастье тети Брони материально: «вкус счастья», о котором она говорит, – это вкус яблочного пирога. Все ее мысли сосредоточены на приготовлении еды и на родственных связях.

Мужчины тоже обладают в этом рассказе соответствующим их полу гендером. Левка,

как положено мужчине – «вечноному бродяге», собирается бежать из дома. Таким же бродягой является дядя Исаак, про которого рассказывает тетя Броня. Муж Ани Рон Джонсон не бродяга, но его отличительной чертой является перестраивание дома, чем он занимается «всю жизнь».

В рассказе «Айхивайс» вполне традиционная гендерная идентификация героев. Но такой тип людей, особенно женщин, вызывает у автора иронию, тогда как в рассказах, где изображается неоднозначный гендер, ирония почти отсутствует.

Проблема гендерной идентификации занимает центральное место в рассказе «В июле». В рассказе изображается взросление шестнадцатилетней девочки, ее столкновение со взрослым миром. Изображается это необычно.

Девочка обнаруживает, что ее тело «перестало слушаться и начало жить отдельной жизнью». Из «ласкового и умного животного» оно превратилось в «мальчишеское, дерзкое». Автор показывает, как меняется гендерная самоидентификация героини. Внутри она чувствует себя девочкой, но замечает, что тело приобретает мальчишеские черты.

Она чувствует, что ей стало «тесно в своем имени», в женском имени Юля. Ей кажется, что имя называет только «самую малую, неверную ее часть». Имя кажется ей чужим, неверно передающим ее сущность. Имя выступает ее прикрытием. Постепенно она чувствует, что стала превращаться в мальчика: *«О, она была не Юлей, – описывается ее новое восприятие себя, – а длинноногим мальчиком, путешествующим в девственных травах»*.

В душе девочки зарождается любовное томление, «томительное ожидание», «короткое

ликование внизу живота». Автор не говорит прямо, кто является объектом любви. По-видимому, Юля одинока, по крайней мере, в тот момент своей жизни. В рассказе не упоминаются ни друзья, ни подруги, описываются только родственники и «странная тетя» Женя. Она была единственным человеком, с которым Юля чувствовала близость. Для девочки она «была всем – музыкой, картиной, но главное – Юлей». Единственное, что ее отличало от Юли – это жизненный опыт, из-за чего девочка любила задавать ей вопросы и «узнавать в ответах себя». Их близость вызвала в душе девочки прилив счастья: «и Женя, тетя, была частью радостного чувства, которое хотелось удерживать в душе долго-долго».

В рассказе подробно описано, как Юля с нетерпением ждет приезда тети, ей кажется, что в этот день все должно разрешиться. Именно ожидание тети вызывает у девочки любовное томление. Она воображает их встречу, мысленно вслушивается «в легкий прохладный шаг Жени», ей кажется, что она не сможет выдержать эмоционального напряжения их встречи, она готовится «*в последний миг отпрянуть, не в силах представить того безмерного счастья, которое немедленно должно последовать*». Юлю с Женей скорее связывают не родственные чувства, Женя отождествляется для Юли с объектом любви, Юля готовит для нее «свое жаркое Я».

Юлины чувства достигают накала, когда, наконец, приезжает тетя Женя. Увидев ее, Юля обнаруживает, что навстречу идет «незнакомая женщина». И, глядя на тетю, Юля решает начать «новую жизнь», «полную... хороших мыслей». Эпитет «хороший»

по отношению к будущим мыслям девочки подсказывает нам ее отношение к тем мыслям, которые овладели ею в этот день. По-видимому, ее нынешние мысли чем-то ее смущают, кажутся плохими.

Катастрофа наступает, когда девочка узнает о приезде Александра, друга тети. Она никак не могла запомнить этого человека, и причиной была не только ее сосредоточенность на Жене, но и абсолютное незнакомство с мужчинами: «*мужчины существовали на самом краю странного женского мира, тускло отражая горячий свет женских фантазий*».

Эпитет «странный» связывает воедино Юлины чувства, ее мир, тетю Женю и Александра. «Странные» чувства оказываются связанными со «странной» тетей и со «странным» женским миром, а по своему накалу и по своему типу они напоминают то, что могло бы быть между Юлей и Александром, между мужчиной и женщиной.

Отношение Юли к Жене хорошо раскрывают слова, которые для нее ассоциируются с именем тети: «*Женя, ожидание, желанная, жалко, – бормотала Юля, – жить!*» Этот ряд слов выстроен по принципу градации (нарастания), каждое последующее слово выражает больший эмоциональный накал, чем предыдущее, и последним словом является слово «жить», тем самым Женя в сознании Юли постепенно превращается в жизнь. Этот ряд слов передает ожидание, нетерпение, желание и разочарование девочки. Эмоциональное напряжение так велико, что девочка теряет сознание.

После катастрофы мир для Юли изменился. В чем суть этой новой жизни, Юля понимает под «настойчивым взглядом» Александра. В его взгляде она узна-

ет «*что-то давнее, навсегда забытое*», по-видимому, под взглядом мужчины она вспоминает, что она девушка. Рядом с Александром Юля осознает, что женский гендер ей ближе мужского: «*Юле не хотелось больше двигаться, выбирать собственные пути в многочисленных переплетениях июля, и она не удивилась, когда Александр взял ее на руки и понес прочь от берега*». В художественном мире Львовой действие является атрибутом мужчины, а желание отдать свою жизнь в распоряжение другого человека – атрибутом женщины.

Новая жизнь пугает Юлю, кажется ей гибелью и одновременно счастьем. Но автор подсказывает, что та новая жизнь, которой собиралась жить Юля, была для нее не предназначена. Эта мысль выражается через описание природы. Горячий июль, с которым у девочки ассоциируется напряжение ее чувств, сменяется августом: «жизнь незаметно переломилась и теперь увядала без сожаления». Увядание природы служит намеком на изменения, происходящие во внутреннем мире героини.

В данном рассказе показано, как девушка пытается разобраться в себе, определить свой гендер. Она чувствует, что в ней сильно мальчишеское начало, которое порождает ее влюбленность в тетю. Юля пытается преодолеть свои чувства, начать новую жизнь. Она впервые соприкасается с мужчиной, но стремление преодолеть себя приводит к катастрофе. Причина этой катастрофы кроется в Юлиной психике. Несмотря на то, что тело ее приобретает мальчишеские черты, в ее поведении доминирует женское начало. Об этом говорят эмоциональность, непоследователь-

ность девочки, примат чувства над разумом.

Она «бездумно» входит в воду, падает в обморок, пытается покончить с собой (бросается в озеро), постоянно теряет контроль над своими мыслями. В отношениях с другими людьми она выступает в качестве пассивного начала. Она может принимать или не принимать их действия, но в качестве протеста она выбирает побег. Увидев Женю с Александром, она бежит «в маленькую душную комнату» наверху, не пытается отстоять свое. Ее протест принимает исключительно внутреннюю форму, хотя ситуация позволяет ей и активно противостоять. Она не использует даже словесное оружие. Она не способна противостоять своим чувствам и эмоциям, они ее захлестывают. Героиня не может покинуть мир, в котором она выросла, «женский мир, где предчувствия значили больше, чем факты, и желание становилось опытом, а прошлое будущим, и время не текло, а длилось, превращая фантазии в сердечную боль».

Гендерная идентификация и самоидентификация героини становится в этом рассказе основной сюжета.

В основе сюжета рассказа «Из книги судеб» – странное влечение женщин к странному мужчине Юрке Малышеву, которого «хотели все».

Лейтмотивом через весь рассказ проходит равнодушие Юрки к соревнующимся за него женщинам. Он предстает совершенно пассивным персонажем, с которым женщины делают то, что им хочется. Первой женщине он «достался». Нигде не говорится, что Юрка ее полюбил, выбрал, предпочел. Да и, в принципе, слово «любовь» в рассказе ни разу не встречается. Юрка достался так, как предмет, выигранный

в лотерее. Потом его похитила вторая женщина, «как уведят жену доверчивых друзей». Несмотря на свой пол, Юрка выступает в функции жены. Наконец его подбирает женщина «в кумачовых брюках», «ибо много чего лежит на дороге». Во всех случаях Юрка не оказывает никакого сопротивления, позволяет делать с ним все, что захотят женщины, не сопротивляясь, но и не поддерживая их.

Характерен также портрет героя, он объясняет развитие сюжета. *«Невысокий, тоненький, с длинными ресницами и стройными ножками, он походил на ребенка или едва расцветшую девушку. И кожа у него была нежная, и запах сладкий, девичий».* Постепенно «девичий аромат исчезает» и стираются «детские черты», но женственность остается. Вот каким видит Юрку третья женщина: *«Издали казалось, что это беспутная девчонка, за чем-то надевшая грязную одежду старшего брата, заснула, пригревшись на солнце, и проспала весь день. Светлые локоны ее разметались, маленькими женскими руками она обнимала придорожную траву».* Юрка настолько похож на девушку, что, описывая его, автор даже использует женский род. Портрет объясняет пассивность героя, герой выступает в рассказе в роли девушки. Он не просто похож на девушку, он обладает ярко выраженной женской привлекательностью, он притягивает к себе женщин, как обычно притягивает к себе женщина мужчину. Его запах описывается как манящий, сладкий, женщинам его хочется, как «хочется живых красок долгой зимою, как румяного яблока после кислых дичков», «каждой до смерти хотелось иметь у себя

медовый аромат и жить всегда в праздничном цветении».

Есть определенный порядок в том ряду женщин, который выстраивает перед нами автор. Первая женщина ничем не примечательна, «она обычная, как летняя маргаритка», и «все сразу поняли, что это не навсегда». Вторая обладательница Юрки выделяется из всех жителей города своей предпримчивостью и упрямством, она отвоевывает Юрку у своей подруги. Но и с ней отношения не складываются. Наконец, третья, по-видимому, окончательная, обладательница Юрки приезжает из соседнего города «на зеленой «Тойоте». У нее «крепкое тело» и «кумачовые брюки», она сидит за рулем автомобиля и, проезжая мимо Юркиного дома, спешит «выбраться побыстрее к своей привычной жизни, из ухабов и ям, из окружающей нищеты». В рассказе Юрка предстает завидным женихом, которым достойна владеть только обладательница «Тойоты», т.е. женщина, привыкшая во всем добиваться успеха, что показано через ее материальное положение. В портрете этой женщины присутствуют и мужские черты, об этом свидетельствуют такие детали, как брюки, крепкое тело, машина, не случайно она обращает внимание на Юрку как на девочку, только потом увидев, что это мужчина. Однако гендер этой героини неоднозначен. Наряду с мужскими чертами можно обнаружить также указание на ее женственность – она сравнивается с юной девушкой: «она захотела Юрку так, как хочет совсем юная девушка иметь для себя жизнь в белом праздничном цветении и черпать из нее только мед и золото».

Почему возникает ощущение, что эта связь навсегда? Да потому что единственный человек, к

которому Юрка испытывает привязанность, – «неизвестно откуда приблудившийся бродяга», именно ему принадлежит все внимание главного героя. Сначала этот бродяга живет вместе с Юркой и его второй женщиной, Таней Савиной, а потом Юрка уходит «в те места, которые показал ему бродяга и о которых не знает женщина». В отличие от главного героя, похожего на девочку, бродяга «кучеряв и похож на мальчика с густою бородою». Само наименование персонажа словом «бродяга» можно рассматривать как гендерный признак мужчины.

Через установление гендерной идентификации персонажей мы понимаем, почему у Юрки не складываются отношения с двумя первыми женщинами. В описании первой и второй Юркиных женщин автор использует ясные гендерные характеристики. И Ленка Кубарчук, и Таня Савина обладают определенными женскими гендерными признаками. Про Лену Кубарчук говорится, что она была «как летняя маргаритка». Как отмечалось выше, сравнение с растением в

творчестве И. Львовой является указанием на женский гендер. Таня же вообще типичная женщина. Ее основным занятием является уборка, наведение порядка в доме: «*Таня чистила и убирала в доме, чтобы прожить там вечно в золотой щедрой осени, в безоблачных днях. Она расставляла горшки с цветами, развешивала по стенам картины, стелила половики. Она родилась женщиной, и мир вокруг нее был натерт и глянец, и она знала, что только от нее зависит его сияние.*

Но Юрку больше привлекают люди с мужским гендером. Таким является «неизвестно откуда приблудившийся бродяга». Такой является последняя Юркина женщина, которая даже не имеет имени. «*Кто бы ни была эта женщина, а она умела смотреть*», – говорит повествователь.

Итак, в ходе гендерного исследования выяснилось, что взгляд повествователя в произведениях И. Львовой ограничен строгими представлениями о том, что составляет сущность мужского и женского начал. Од-

ни и те же гендерные характеристики повторяются из текста в текст, так что можно даже сделать вывод о наличии у повествователя определенных стереотипов. Но как мы знаем, ни один человек не вписывается в строгие гендерные рамки. Это очень остро чувствует повествователь и даже делает предметом своей рефлексии. Он ставит человеку границы и сам же их нарушает. В его восприятии мира тесно переплетаются мужское и женское начала. Может быть, это просто взгляд художника, который тонко чувствует человеческую природу и не может оставаться равнодушным к ней?

□

Диана ЕВДОКИМОВА

*окончила филологический факультет,
учится как соискатель в аспирантуре
при кафедре русской литературы ПетрГУ.*

*Сфера интересов – проблема гендера,
карельская литература,
поэтика художественного текста.*

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

